

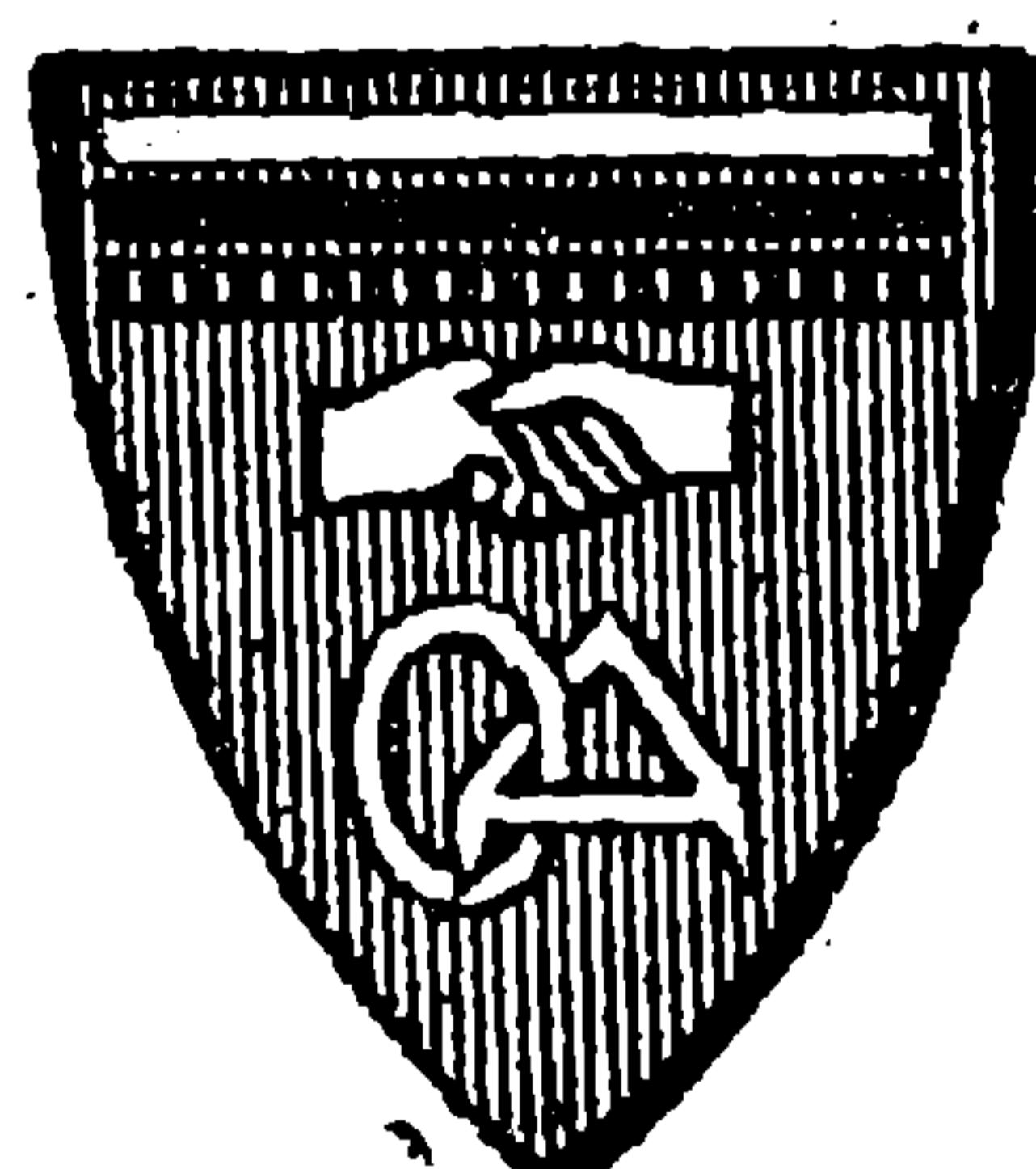
**ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.**

ВЫПУСКЪ 82.

Д-ръ ВАЛЕРИЙ А. ПОГОРѢЛОВЪ,

профессоръ Братиславскаго Университета

МИХАИЛЬ ЛУЧКАЙ
и его
GRAMMATICA SLAVO-RUTHENA

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКІЙ СВѢТЬ».

**УЖГОРОДѢ.
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩИ».
1930.**

СОСТАВЪ ЦЕНТРАЛЬНАГО ПРАВЛЕНИЯ РУССКАГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНАГО О-ВА ИМ. АЛЕКСАНДРА В. ДУХНОВИЧА на 1930—1931 годъ.

I. Почетные члены Общества.

1. Д-ръ Антоній Г. Бескидъ, губернаторъ Подк. Руси; 2. Петръ Гебей, епископъ мукачевскій; 3. Проф. Д-ръ А. Л. Петровъ; 4. Д-ръ Антонінъ Гайнъ, депутатъ Чсл. парламента; 5. Проф. М. М. Новиковъ, ректоръ Русск. Ун-та въ Прагѣ; 6. Проф. Д-ръ Ю. И. Поливка, президентъ Чсл. Акад. Наукъ; 7. Академикъ В. А. Францевъ; 8. Академикъ А. И. Беличъ; 9. Проф. Йосифъ Шкультеты, директоръ Слов-вацкой Матицы; 10. О. Генрихъ Полянскій, поч. чл. О-ва М. Качков-скаго въ Львовѣ; 11. Генералъ Л. Г. Прхала, командиръ XII пѣх. дивизіи; 12. Д-ръ К. П. Мачикъ, вице-президентъ Высш. Суда въ Кошицахъ; 13. Д-ръ Симеонъ Смандрай, кан.; 14. Проф. є. є. Аристовъ; 15. Проф. Д-ръ В. А. Погорѣловъ; 16. Проф. Д-ръ Ю. А. Яворскій.

II. Пожизненные члены Общества.

1. Викторъ Карцубъ, архидіаконъ; 2. Ив. А. Поливка, пенс. шк. инсп.; 3. Юлій Станкай, каноникъ; 4. Ириней Ханатъ, свящ. 5. Йосифъ Хромякъ, дир. учит. семинаріи; 6. Мих. Риганъ, директоръ; 7. Константинъ Невицкій, свящ.; 8. Иванъ Бокшай, свящ.; 9. Д-ръ Илья Гаджега, предс. Земскаго Суда; 10. Алексѣй Коссей, архидіаконъ; 11. Инж. Августинъ Стрипскій, дир. госуд. лѣсовъ; 12. Д-ръ Петръ Петригалла, городской голова г. Мукачева; 13. Д-ръ Алоизъ Пинта.

III. Президіумъ Общества.

1. Архидіаконъ Евменій Ив. Сабовъ, предсѣдатель; 2. Д-ръ Степанъ А. Фенцикъ, секретарь-дѣлопроизводитель; 3. Д-ръ Йосифъ Каминскій, первый тов. предсѣдателя; 4. Д-ръ Игорь Петрикъ, второй тов. предсѣдателя; 5. Проф. Степанъ С. Медешій, казначей; 6. Андрей Ігнацій, 2-й казначей; 7. Степанъ Федоръ, хозяинъ; 8. Петръ Сова, бібліотекарь; 9. Д-ръ Эмиліанъ М. Вальницкій, 1-й письмоводитель; 10. Павелъ Федоръ, 2-й письмоводитель.

IV. Центральное Правление.

1. Анталовскій Василій, шк. инсп.; 2. Араній Йосифъ, фах. учит.; 3. Д-ръ Бачинскій Эдмундъ, сенаторъ; 4. Баконій Степанъ, упр. шк.; 5. Д-ръ Бескидъ Александръ, высш. совѣтникъ; 6. Д-ръ Бескидъ Алексѣй, окружный начальникъ; 7. Василенковъ Михаилъ, фах. учит.; 8. Гаджега Эмма, предс. Союза Русск. Женщинъ; 9. Добошъ Иванъ, шк. исп.; 10. Драгула Николай, дир. гимназіи; 11. Д-ръ Жидовскій Иванъ; 12. Ільницкій Александръ, каноникъ; 13. Ковачъ Иванъ, упр. шк.; 14. Д-ръ Кизакъ Йосифъ, проф.; 15. Коломацкій Всеволодъ, свящ.; 16. Микита Михаилъ, проф.; 17. Марковичъ Гавріїлъ, свящ.; 18. Мигалка Юлій, город. инж.; 19. Петровъ Василій, проф.; 20. Поповичъ Андрей, упр. шк.; 21. Рудловчакъ Андрей, учит.; 22. Стасєва Феодора, проф.; 23. Д-ръ Сулинчакъ Василій, дир. гимназіи; 24. Цуркановичъ Илларіонъ, сенаторъ; 25. Чеканъ Антоній, уч.; 26. Д-ръ Шкирнацъ Наталья, проф.; 27. Шпеникъ Василій, упр. шк., предс. Уч. Т-ва.

V. Ревизіонная Комисія.

1. Гаталякъ Петръ, дир. банка; 2. Гайдичъ Леопольдъ; 3. Бродій Андрей; 4. Звонниковъ Владіміръ; 5. Д-ръ Могильницкій Корнилій.

Проф. Д-ръ ВАЛЕРІЙ ПОГОРѢЛОВЪ.

Мих. Лучкай и его Grammatica Slavo-ruthena.

(1830 — 1930).

Всё есть у насъ, повѣрьте
Согласья лишь и знаній не хватаетъ!
Милые сородичи и други!

Všecko máme, věřte, moji drahí
Spoluúlastenci a přátelé!..
Svornost jen a osvěta nám schází!

Такъ сказалъ великий славянинъ, поэтъ Всеславянства — Колларъ. — въ его время болѣли мы, Славяне, этимъ недостаткомъ единенія и знаній, болѣемъ и теперь, и страстно хотимъ излѣчиться отъ этой болѣзни и глубоко благодарны, признательны тѣмъ, которые ищутъ средства спасти нась отъ этого рокового славянского недуга. Искренно благодарить должны мы за попытку придумать такое средство и того человѣка, который ровно 100 лѣтъ тому назадъ выпустилъ въ свѣтъ небольшую книжку подъ названіемъ „Grammatica Slavo-ruthena“ — именно Михаила Лучкай.

Любопытна судьба этой книжки! — Писалась она въ Италіи, въ маленькомъ городкѣ — Луккѣ, писалась на латинскомъ языкѣ, напечатана въ Венгріи, въ Буда-Пештѣ, а содержитъ грамматику церковно-славянского языка сравнительно съ языкомъ карпато-русскимъ.

Какимъ горячимъ патріотомъ долженъ быть ея авторъ, какъ любить свой маленький, бѣдный, малокультурный народъ: подъ благословеннымъ небомъ Италіи онъ не только не забылъ о нѣмъ, но и на чужбинѣ болѣль за него, видя, что обѣ этомъ народѣ не знаютъ даже въ учѣномъ мірѣ, что даже такой известный славистъ, какъ Шафарикъ, называетъ (стр. IX) Карпатскую Русь — *terra incognita*. Многіе считаютъ хорватскій языкъ наиболѣе близкимъ къ языку Бібліи, къ матери всѣхъ славянскихъ языковъ — языку церковно-славянскому (такое мнѣніе тогда, дѣйствительно, существовало, его раздѣлялъ даже такой учёный, какъ І. Добровскій), а между тѣмъ карпаторусский

Живя въ Италіи, вдали отъ своего народа, онъ все же старался быть ему по мѣрѣ силъ полезнымъ. Никто не знаетъ о Карпатской Руси — почему? Да, потому, что тамъ нѣть никакой литературы, карпаторуссы ничего не пишутъ. «Можетъ быть (стр. X), по недостатку дарованій?» — ставить онъ себѣ вопросъ и съ негодованіемъ отбрасываетъ самую эту мысль, указывая на рядъ извѣстныхъ ему лицъ, выдающихся по уму, талантамъ, образованію: епископовъ Бачинскаго и Тарковича, краснорѣчивыхъ ораторовъ Алексея Ильковича и Ю. Пастелія, трудолюбиваго Мих. Табаковича, своихъ современниковъ — проф. Мих. Черскаго, канониковъ Стеф. Андруховича и Ю. Чурговича и др., но горевъ томъ, что эта, всетаки очень малочисленная, карпаторусская интеллигенція такъ обременена своими служебными обязанностями, что не можетъ удѣлить времени литературной дѣятельности. — А между тѣмъ этотъ бѣдный, но богато одаренный народъ заслуживаетъ того, чтобы о немъ знали, онъ нуждается въ томъ, чтобы ему облегчили доступъ къ литературной дѣятельности.

И вотъ, за обѣ эти задачи берется человѣкъ, даровитый по природѣ и получившій къ тому же выдающееся по тому времени филологическое образованіе, — Михаилъ Лучкай, — любопытно, что одновременно съ нимъ другой карпаторусъ — Юрій Гуца (Венелинъ) пытался рядомъ трудовъ напомнить міру о другомъ забытомъ славянскомъ народѣ — о Болгарахъ, и надо сказать, что его усиля увѣнчались большимъ успѣхомъ, чѣмъ дѣятельность Лучкая, можетъ быть, потому, что онъ писалъ по русски, а не по латыни!

Біографическая свѣдѣнія о Лучкаѣ, какъ Вамъ, конечно извѣстно, очень скучны. Мы знаемъ, что родился онъ въ 1789 году, недалеко отъ Мукачева — въ Великихъ Лучкахъ, вслѣдствіе чего и принялъ имя Лучкай, вмѣсто своего родового имени Матяцко, или по другимъ даннымъ — Попъ, — высшее богословское образованіе получилъ онъ въ Вѣнѣ, тамъ же вступилъ въ кружокъ лицъ, занимавшихся вопросами лингвистики, въ этотъ же кружокъ входилъ тогда между прочимъ и извѣстный славистъ — Копитаръ. Здѣсь то, вѣроятно, въ молодомъ Лучкаѣ зародился и интересъ къ вопросамъ языка и развился его лингвистической талантъ. Въ книгѣ Д-ра Волод. Бирчака «Литературнѣ стремлѣння Подкарпатскої Руси». 1921, сообщается, будто бы Лучкай слушалъ въ Вѣнѣ лекціи извѣстнаго ученаго, И. Добровскаго. Но это явное недоразумѣніе: Добровскій никогда, никакихъ лекцій въ Вѣнѣ не читалъ, и съ его научными взглядами Лучкай познакомился только по его книгамъ.

Однако о размѣрахъ научной подготовки Лучкая, о его знаніяхъ говорять намъ не столько эти недостаточные біо-

http://rusyns-library.org – «Русинська Бібліотека - ІИФ въ Ужгородъ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2 граffическія даныя, сколько оставленные имъ труды. И эта вотъ столѣтняя старушка: „Grammatica Slavo-ruthena“, юбілей которой мы собрались отмѣтить, свидѣтельствуетъ о многомъ. Она указываетъ какъ внимательно былъ изученъ авторомъ церковно-славянскій языкъ, какъ основательно онъ ознакомился съ книгами Священнаго Писанія, книгами богослужебными (разумѣется, главнымъ образомъ, по печатнымъ изданіямъ русскимъ, частью сербскимъ), какъ хорошо извѣстны были ему труды, посвященные грамматической разработкѣ этого языка; эта книга свидѣтельствуетъ о настоящемъ лингвистическомъ талантѣ автора, создавшаго первую сравнительную грамматику языковъ церковно-славянскаго и карпаторусскаго и при этомъ давшаго такое точное, внимательное описание своего родного говора.

Изданіемъ этого своего труда Лучкай хотѣлъ достичнуть двухъ цѣлей. Во-первыхъ, дать надежное руководство своимъ братьямъ-карпаторуссамъ для усвоенія себѣ правильныхъ нормъ того языка, который, по его мнѣнію, долженъ быть литературнымъ языкомъ всѣхъ славянъ и къ которому особенно близки карпаторусские говоры. Во-вторыхъ, онъ желалъ внести въ европейскую науку свѣдѣнія о неизвѣстномъ еще ей карпаторусскимъ народѣ и его языкѣ.

Еще изъ школьныхъ лѣтъ мы выносимъ большею частью понятіе о грамматикѣ, какъ о чѣмъ-то скучномъ, сухомъ, безжизненномъ, но эта грамматика (Gr. Sl.-ruth. Лучкая) рисуетъ передъ нами такой живой, глубоко симпатичный образъ истиннаго гуманиста, который сочетаетъ горячую любовь къ своему угнетенному, всѣми забытому народу со стремленіемъ къ объединенію всѣхъ славянъ, и даже больше, — всего человѣчества въ области, по крайней мѣрѣ, науки и литературы. Свои труды: и эту грамматику и свое колоссальное произведеніе — „Historia carpato-ruthenorum“, къ сожалѣнію до сихъ поръ неизданное, лежащее въ рукописи, — онъ пишетъ на латинскомъ языкѣ именно потому, что считаетъ этотъ языкъ органомъ міровой культуры и науки. Объ этомъ, между прочимъ, есть любопытное свидѣтельство словацкаго писателя, Богуша Носака, который говоритъ, что, бесѣдуя съ Лучкаемъ о его трудахъ, онъ спросилъ его, почему тотъ пишетъ по латыни, а не по карпаторусски? и Лучкай на это ему отвѣтилъ, что онъ пишетъ для ученыхъ, а наиболѣе подходящей рѣчью къ этому является латинская. Какая-то грусть чувствуется въ его словахъ, когда онъ въ Предисловіи къ своей Грамматикѣ (стр. V), говорить о томъ, что латинскій языкъ вытѣсняется постепенно новыми литературными языками: французскимъ, нѣмецкимъ, итальянскимъ. Но уже явной тревогой и печалью звучатъ его слова о томъ, что (стр. VI) «потомки (древнихъ Славянъ), пренебрегая своей матерью — языкомъ

<http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ІИФ въ Ужгородъ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2
церковно-славянскимъ, стремятся ввести въ литературное употребление мѣстныя нарѣчія, чутъ не говоры». Его очень пугаетъ сказывающійся въ этомъ анархической сепаратизмъ — эта характерная и роковая славянская особенность.

По поводу этихъ взглядовъ Лучкая на роль языковъ латинского и церковно-славянского я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе. За 100 лѣтъ, протекшихъ со времени изданія его Грамматики, наука о языкѣ — лингвистика — такъ прогрессировала; настолько расширилось и углубилось наше пониманіе жизни языка, взаимоотношенія языковъ, нарѣчій и говоровъ, что для насъ теперь и вопросъ о литературномъ языкѣ стоитъ нѣсколько въ иной плоскости, чѣмъ во времена Лучкай. Мы признаемъ, что всякий литературный языкъ при всей своей необходимой искусственности долженъ непремѣнно базироваться на живой народной рѣчи, что должно быть постоянное взаимоотношеніе, взаимодѣйствіе этихъ двухъ элементовъ — языка литературнаго и языка живого, иначе говоря, литературный языкъ долженъ быть или стать нарѣчіемъ извѣстнаго живого языка. Поэтому ни языки мертвые, какъ латинскій или древнеславянско-церковно-славянскій, ни языки, искусственно созданные, выдуманные, вродѣ Волапюка или Эсперанто, не могутъ быть дѣйствительно литературными языками. Живи Лучкай въ наше время, онъ, конечно и не подумалъ бы прибѣгать къ латыни, какъ къ языку ученаго міра, такъ какъ теперь не только „graeca“, но и „latina non leguntur“ Послѣдствіемъ приверженности Лучкай къ латыни оказывается то, что и ученые очень мало знакомы съ его книгой и, даже упомянутая о ней, часто неправильно о ней судятъ. Знаменитый ученый, И. Ягичъ, знаетъ о Лучкаѣ лишь то, что онъ былъ «составителемъ маленькой грамматики». Проф. И. Срезневскій говоритъ, что Лучкай въ своей грамматикѣ «смѣшалъ нарѣчія церковное и народное, измѣняль одно другимъ», П. Шафарикъ пишеть, что «у Лучкай малорусское нарѣчіе недостаточно ясно отдѣлено отъ церковнаго», а между тѣмъ каждый, кто внимательно просмотрить его Грамматику, убѣдится, какъ заботливо, внимательно разграничиваетъ онъ формы и обороты карпаторусскіе отъ церковно-славянскихъ. Но всего удивительнѣе, что мы встрѣчаемъ самое поверхностное знакомство съ этой книгой и у тѣхъ лицъ, которые пишуть о литературной дѣятельности въ Подкарпатской Руси. Такъ, мы читаемъ въ упомянутой уже книжкѣ Д-ра Волод. Бирчака «Литературнѣ стремлѣння Подкарпатскої Руси» 1921., что «Лучкай задумав — як говорить у вступѣ на VIII сторонѣ — дати грамматику мовы, що називається «карпаторуська», а яку уживають кромѣ Малої Руси и Польщѣ головно въ Галичинѣ, Володимириѣ, Буковинѣ и за середним хребтом Карпат, то є в горѣшнїй Угорщинѣ аж до Спишу». Иными словами: автор задумав дати грамматику

русько-украинскої мовы». -- А вотъ, что на самомъ дѣлѣ говоритьъ Лучкай: (VIII—IX стр.). Только у одного еще діалекта нѣтъ грамматики, а можетъ быть, и порчи, — именно у Карпато-русского, который слышится не только въ Малороссіи и Польшѣ, но и въ Галиціи, Ладомеріи и Буковинѣ и далѣе по южному (*meridionalis* не значить средній, а южный) склону Карпатскихъ горъ, или иначе въ верхней Угріи до Спиша... Для этого языка не считалось необходимымъ создавать особой грамматики, такъ какъ онъ, отличаясь отъ всѣхъ прочихъ діалектовъ, очень близокъ къ языку старославянскому и потому вполнѣ могъ пользоваться старославянскими формами, а на небольшія его отличія не обращалось по справедливости и вниманія (XVI стр.). Вслѣдствіе сего, какъ раньше, такъ и теперь, нѣтъ нужды въ особой грамматикѣ карпаторусского языка». (Что касается меня, говоритъ Лучкай, то) «Карпато-русскія формы присоединилъ я для того, чтобы было нагляднѣе, насколько отступилъ этотъ языкъ отъ своей матери». — Уже изъ этихъ словъ Лучкая ясно видно, что у него и въ мысляхъ не было давать грамматику не только «русько-украинскої мовы», но и карпаторусского языка, каковую грамматику онъ считалъ совершенно излишнею, а если бы г. Д-ръ Бирчакъ просмотрѣлъ внимательно самую Грамматику Лучкая, то онъ, вѣроятно, воздержался бы отъ такого совершенно превратнаго утвержденія. Къ сожалѣнію, приведенные слова г. Бирчака повторяетъ буквально, безъ всякой провѣрки и г. Ю. Ревай, въ своей статьѣ подъ заглавiemъ «Рускѣ граматики и словарѣ на Подкарпатю» («Учителъ» 1929, Януар-Фебруар, стр. 4 и 7): «Автор, як то зазначує впереднѣмъ словѣ, хотѣвъ дати грамматику мовы, яка называється «карпаторуська» и яку уживають кромѣ Малої Руси и Польшѣ, головно въ Галичинѣ, Володимириї, Буковинѣ и за середнимъ хребтомъ Карпат, то є въ горѣшнїй Угорщинѣ ажъ до Спиша». Въ томъ же духѣ г. Ревай даетъ и свои дополненія: «Отъ же опер М. Лучкай свою грамматику на тодѣшныхъ творахъ и на живу народну мову». Замѣтимъ къ этому, что этихъ «тодѣшніхъ творовъ» Лучкай указываетъ лишь два катихизиса, къ одному изъ коихъ — канон. Кутки — относится очень критически, и никакихъ слѣдовъ пользованія ими не проявляеть. Полное недоумѣніе, наконецъ, вызываетъ заключеніе г. Ревая: «На жаль дорожкою, показаною В. (?) Лучкаемъ дальшѣ граматики не пошли, але наоборотъ деякѣ з нихъ (як будемо видѣти) змагалися наговорити собѣ разъ, що лише церковно-славянска мова надається до літератури...». Но вѣдь это послѣднєе мнѣніе и принадлежить самому Лучкаю, это онъ настаивалъ на томъ, чтобы литературнымъ языкомъ былъ языкъ церковно-славянскій, слѣдовательно эти «деякѣ з нихъ» шли, именно, по дорожкѣ, указанной Лучкаемъ. Совершенно очевидно, что сама Грамматика осталась для гг.

Бирчака и Ревая — книгою за семью печатями. — Быть можетъ, этого не было бы, будь она писана не по латыни.

Нѣсколько въ иномъ свѣтѣ представляются намъ взгляды Лучкая на церковно-славянскій языкъ. Конечно, для насъ теперь это такой же мертвый языкъ, какъ и латинскій. Хотя въ основѣ своей онъ собственно языкъ древне-болгарскій, но давно потерялъ связь съ живыми болгарскими говорами, онъ даже для самихъ болгаръ является языкомъ мертвымъ, тѣмъ болѣе для другихъ славянъ. Но церковно-славянскій языкъ временъ Лучкая далеко не былъ уже языкомъ древне-болгарскимъ, онъ настолько обруслъ въ своихъ звукахъ и формахъ, что скорѣе могъ бы быть названъ славяно-русскимъ, и поэтому совершенно правъ былъ Лучкай, говоря объ особенной близости этого языка къ карпаторусскимъ говорамъ.

Хотя, такимъ образомъ, воззрѣнія Лучкая на значеніе латинскаго и отчасти церковно-славянскаго языка кажутся намъ теперь устарѣлыми, тѣмъ не менѣе мы должны удивляться его свѣтлому, трезвому взгляду на отношеніе литературнаго языка, языка культурнаго класса — къ народнымъ говорамъ, къ такъ называемому, просторѣчію. Позволю себѣ привести нѣсколько отрывковъ изъ Предисловія къ Грамматикѣ.

(Стр. VI). «Во всѣхъ странахъ, говорить онъ, гдѣ существуетъ дѣленіе на діалекты, одинъ изъ нихъ первенствуетъ, какъ на письменныхъ столахъ ученыхъ, такъ и въ судебныхъ залахъ, являясь законодателемъ для прочихъ родственныхъ говоровъ и нарѣчій. И это вполнѣ справедливо, такъ какъ, если бы кто-нибудь пожелалъ, чтобы всѣ діалекты были одинаково усовершенствованы, то это значило бы, что всѣ они одинаково несовершены, и въ замѣнѣ ихъ получилъ бы господство какой-либо чужой языкъ».

(Стр. VII). «Нѣтъ ни одного литературнаго языка, тождественнаго съ простонароднымъ, потому что это могло бы произойти только въ томъ случаѣ, если бы поселянину были уже врождены тѣ идеи и понятія, которыя образованный человѣкъ приобрѣтаетъ путемъ ученія и чтенія». (Стр. VIII). «Одни только Славяне болѣзненно стремились и стремятся уподобить свою литературную рѣчъ рѣчи народной, съ той ли цѣлью, чтобы сдѣлать ее понятной болѣе широкому кругу лицъ, или чтобы облегчить изученіе ея? — Но вѣдь тотъ, кто хочетъ владѣть литературнымъ языкомъ, долженъ же изучить его грамматику, а безграмотному такъ же трудно усвоить себѣ усовершенствованный способъ выраженія (слогъ), какъ и научиться старо-славянскому языку».

Не дышутъ ли нашей современностью эти его разсужденія, такія простыя, ясныя, естественные и вмѣстѣ съ тѣмъ такія здравыя, справедливыя; не кажется ли, что Лучкай за

100 лѣтъ уже предвидѣлъ все растущее среди Славянъ болѣзньенное стремленіе возвышать на степень литературной рѣчи говоръ чуть не каждого села. Но столько же пророчески предчувствуетъ онъ и результаты этого славянского языковаго сепаратизма (стр. VII): «боюсь, говорить онъ, какъ бы такое разъединеніе не привело къ тому, что многіе изъ этихъ діалектовъ исчезнутъ, поглощенные чужими языками. Вѣдь во многихъ мѣстахъ, гдѣ ранѣе процвѣтала славянская рѣчь, теперь едва нѣсколько стариковъ знаютъ еще родной языкъ». Что можемъ мы добавить къ этимъ прозорливымъ словамъ, развѣ только то, что тамъ, гдѣ въ его время старики еще хранили славянскую рѣчь, теперь уже нѣтъ ея и слѣда.

Во многихъ мѣстахъ его книги чувствуется опасеніе, какъ бы кто не подумалъ, что, описывая особенности карпаторусской рѣчи, онъ желаетъ поднять ее на степень литературнаго языка. Онъ тщательно подчеркиваетъ, что единственнымъ славянскимъ литературнымъ языкомъ долженъ быть языкъ Библіи, языкъ церковно-славянскій (стр. XV—XVI), особенно это естественно для карпаторуссовъ, которые сохранили свой языкъ неискаженнымъ, и которымъ, даже неграмотнымъ, вполнѣ понятенъ библейскій языкъ, ежедневно слышимый ими въ Церкви, грамотные же употребляютъ въ своей рѣчи больше библейскихъ словъ и оборотовъ, чѣмъ простонародныхъ. Поэтому то, какъ до сихъ поръ особая карпато-русская грамматика считалась излишней, такъ не нужна она и теперь. А если онъ отмѣчаетъ въ своей книгѣ тѣ, или другія особенности карпаторусскихъ говоровъ, то лишь съ цѣлью указать, какъ мало отклонились они отъ церковно-славянского языка. Эта оговорка повторяется имъ нѣсколько разъ, такъ напр., говоря о томъ, что общеславянские звуки **о** и **е** въ известныхъ случаяхъ произносятся карпаторуссами, какъ ю, онъ добавляетъ: (3) «я отмѣчаю это не съ цѣлью указать, что такъ надо произносить». (5) «Въ устахъ образованнаго человѣка обѣ буквы должны сохранять свое первоначальное произношеніе», или еще (18) «въ народной рѣчи карпаторуссы часто прибавляютъ въ передъ **о** и **у**, но этого никакъ нельзя одобрить». Приводя карпаторусскія формы склоненія, Лучкай замѣчаетъ, что такія формы (34) «слышатся иногда въ рѣчи менѣе культурныхъ карпаторуссовъ, — я отмѣтилъ ихъ для свѣдѣнія, но не для подражанія». Какъ оказалось однако, и какъ мы видѣли изъ приведенныхъ словъ гг. Бирчака и Ревая, опасенія его были вполнѣ основательны. Всего любопытнѣе, что можно встрѣтить утвержденія, будто Лучкай въ своей литературной дѣятельности былъ послѣдователемъ каноника Кутки, писателя нач. XIX в., между тѣмъ какъ о языке этого писателя самъ Лучкай выражается такъ (стр. X): «Катихизисъ, составленный каноникомъ Куткой, представляетъ просто-

народныя формы и потому долженъ быть исправленъ по правиламъ орѳографіи», а такъ какъ подъ орѳографіей авторъ понималъ и фонетическія явленія, то ясно, что исправленіе должно было состоять въ устраниніи особенностей простонародной, т. е. карпаторусской рѣчи.

Какъ же Лучкай выполнилъ обѣ поставленныя себѣ задачи? При составленіи церковно-славянской грамматики онъ имѣлъ уже предшественниковъ. Въ его время существовало нѣсколько книгъ, представлявшихъ грамматическую обработку церковно-славянского языка. Это, прежде всего — известный старый трудъ Мелетія Смотрицкаго, вышедший еще въ началѣ XVII в. (въ 1618 г.) подъ заглавиемъ: «Грамматики славенскія правильное синтагма». Затѣмъ небольшая книжка Авр. Мразовича: «Руководство къ славенстѣй грамматїцѣ исправленнѣй во употребленіе славено-сербскихъ народныхъ училищъ» (въ 1794), которое является въ значительной степени лишь передѣлкой труда М. Смотрицкаго, и наконецъ обширный трудъ знаменитаго чешскаго ученаго, Йосифа Добровскаго: „*Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris*“ (1822 г.). Первыя двѣ книги имѣли характеръ учебниковъ, назначеніе коихъ — научить правильно владѣть церковно-славянскимъ языкомъ, какъ языкомъ литературнымъ. Книга же І. Добровскаго являлась чисто научнымъ произведеніемъ, ставившимъ себѣ цѣлью изслѣдованіе языка по тѣмъ древѣнѣйшимъ памятникамъ его, какіе были доступны автору.

Изъ указаній и ссылокъ Лучкая, да и по содержанію его труда видно, что всѣ три книги были ему прекрасно знакомы. Къ намѣченной имъ задачѣ — дать руководство правильной церковно-славянской рѣчи — ближе подходили Смотрицкій и Мразовичъ, однако же «руководителемъ» своимъ, какъ онъ самъ говоритъ въ *Epilog-*ѣ, онъ избралъ Добровскаго, что даже вмѣняетъ себѣ въ заслугу — и съ полнымъ правомъ, прибавимъ мы, такъ какъ своимъ выборомъ онъ проявилъ умѣніе оцѣнить и понять значеніе труда Добровскаго и показалъ свое научное развитіе и способности. Однако это заявленіе Лучкая, и, пожалуй, даже поверхностное разсмотрѣніе его Грамматики, можетъ дать неправильное представленіе о томъ, что весь трудъ его заключался въ нѣкоторой передѣлкѣ и сокращеніи произведенія Добровскаго. Но это далеко не такъ. Лучкай, дѣйствительно, въ широкой мѣрѣ пользуется книгой Добровскаго, но материалъ ея онъ располагаетъ и примѣняетъ такъ, какъ нужно для выполненія его задачи. Нѣкоторыхъ отдѣловъ онъ совершенно не касается (напр., обѣ изобрѣтеніи происхожденія азбуки, или о формахъ словообразованія), изъ другихъ черпаетъ лишь немногое. Извѣстныя части (напр., ученіе о глаголѣ) въ значительной степени перерабатываются. Нѣкоторые параграфы, какъ второстепенные, онъ относить къ кон-

<http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ИИФ въ Ужгородъ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2
цу книги, а именно: объ удареніи и о двойственному числѣ.
Лучкай очевидно считалъ нужнымъ коснуться этихъ вопросъ, но лишь для полноты изложенія, такъ какъ практическаго значенія эти главы имѣть не могли. Онъ даже рекомендуетъ не отмѣтать ударенія въ словахъ, такъ какъ славянскіе языки въ этомъ отношеніи не согласны между собой.
О двойственномъ числѣ онъ замѣчаетъ, что даже въ нѣкоторыхъ церковныхъ книгахъ оно рѣдко употребляется и этимъ, повидимому, хочетъ указать, что можно обойтись и безъ него. Мѣстами Лучкай даетъ свои собственныя добавленія и объясненія. Такъ, онъ совѣтуетъ упростить азбуку: свести ее къ 29-ти знакамъ, вмѣсто 42, при этомъ очень разумно и основательно выясняетъ совершенную ненужность ъ, считая эту букву вмѣстѣ съ Добровскимъ простымъ знакомъ твердости согласной. Любопытны соображенія Лучкай о произношеніи буквъ и, ъ, ы; по мнѣнію его въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ одинъ звукъ і, но съ различными оттенками: ъ — острое і, ы — твердое і, и — среднее і: напр., бѣл, был, бил: въ этомъ чувствуется вліяніе карпаторусского произношенія этихъ звуковъ. Нѣкоторые поправки, сдѣланныя имъ, очень удачны. Такъ формы мн. ч. отъ слова сынъ, имѣютъ у Добровского вставочную группу ов; сыновам, сыновах; такія формы встрѣчаются въ довольно позднихъ памятникахъ гл. обр. сербского происхожденія. Лучкай даетъ болѣе старыя правильныя формы, безъ этой вставки: сыном, -нех. Нѣкоторые, правда немногія дополненія, вызываемыя назначеніемъ книги, какъ практическаго руководства, и у Мразовича заимствуются имъ. Такимъ образомъ мы должны сказать, что первая поставленная имъ задача была рѣшена имъ вполнѣ удачно.

Конечно, съ теперешней нашей точки зрењія иные факты мы представили бы нѣсколько иначе, нѣкоторые объясненія и толкованія Лучкай насы теперь не могутъ удовлетворить, но въ этомъ большую частью повиненъ не Лучкай, а состояніе науки славянскаго языкознанія въ его время. Мы должны, напротивъ, признать, что Лучкай очень умѣло воспользовался всѣмъ, имѣвшимся въ его распоряженіи, материаломъ, чтобы выработать удобное и надежное грамматическое руководство того литературнаго языка, который по его мнѣнію долженъ быть общимъ для всѣхъ славянъ. Я сказалъ уже, что этотъ языкъ безъ вѣдома и безъ желанія Лучкай являлся скорѣе русскимъ, чѣмъ церковно-славянскимъ. Но кое-что въ сторону сближенія его съ русскимъ внесъ и самъ Лучкай. Онъ упростилъ правописаніе, поставилъ русскія полногласныя формы, какъ голос, солома, город, порох, наравнѣ съ церковно-славянскимъ глас, слама, рад, прах, устранилъ ударенія и формы дв. ч., узаконилъ

Въ разрѣшеніи второй поставленной имъ задачи: дать свѣдѣнія о карпаторусскомъ языкѣ — Лучкай является вполнѣ самостоятельнымъ. Объ этомъ говорить и самъ онъ: «въ изложеніи карпаторусскихъ особенностей мной руководило только собственное чутьё и знаніе языка». Дѣйствительно, до него никѣмъ не было сдѣлано даже попытки дать такое описание живого говора, да и послѣ него нескоро появились первые опыты такой работы. Можно смѣло сказать, что онъ является первымъ русскимъ діалектологомъ. Заслуга Лучкай увеличивается еще тѣмъ, что явленія карпаторусской рѣчи онъ излагаетъ сравнительно съ фактами церковно-славянского языка и этимъ придаетъ имъ большую ясность, наглядность, систематичность. Слова Лучкай о томъ, что онъ руководился своимъ личнымъ знаніемъ карпаторусской рѣчи, надо понимать такъ, что въ своемъ описаніи онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ свой родной говоръ — говоръ Великихъ Лучекъ, откуда былъ родомъ. Тѣ свѣдѣнія, которыя мы теперь имѣемъ объ этомъ говорѣ, напр., въ извѣстныхъ трудахъ Верхратскаго, подтверждаютъ это заключеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о томъ, какимъ тонкимъ внимательнымъ наблюдателемъ былъ Лучкай, съ какой точностью передавалъ онъ звуковыя и формальныя особенности этого говора (и еще при тѣхъ несовершенныхъ техническихъ средствахъ, какими онъ могъ пользоваться). Въ фонетикѣ Лучкай остановился на дѣйствительно основныхъ особенностяхъ своего говора въ области гласныхъ и согласныхъ, напр., на переходѣ звука **е** въ **о** послѣ шипящихъ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ, на переходѣ **е** въ **я** въ концѣ слова, на измѣненіи **е** и **о** въ **ї** въ закрытомъ слогѣ, напр., **вїл**; онъ даже отмѣчаетъ, что въ другихъ говорахъ это явленіе представляетъ извѣстныя различія, именно не **ї**, а **и**, въ другихъ — **і**, въ третьихъ — **'i** и т. д. Формы склоненія и спряженія даны имъ съ большой полнотой. Указаны имъ даже нѣкоторыя синтаксическія явленія, какъ употребленіе Дательного падежа въ значеніи притяжательномъ и т. п. Наконецъ, чрезвычайно цѣнно его собраніе образцовъ народной рѣчи: пѣсенъ, поговорокъ, загадокъ и т. д.

Такимъ образомъ, въ своей книгѣ Лучкай за 100 лѣтъ, уже предвидѣлъ развитіе науки о языке по двумъ направлѣніемъ: 1) установленіе нормъ литературнаго языка и его отношенія къ живой рѣчи, и 2) изученіе и описание отдѣльныхъ говоровъ.

Что касается мысли Лучкай о признаніи языка церковно-славянского — литературнымъ языкомъ, то мы въ сущности принимаемъ ее и теперь, но въ томъ смыслѣ, что нашъ литературный языкъ не долженъ порывать связи съ той цер-

<http://rusyns-library.org> – «Русинська Бібліотека - ІІФ въ Ужгородѣ» - "Бібліотека Стефана Бендаса", 07.2
КОВНО-славянской основой, изъ которой онъ выростъ, только мы добавляемъ къ этому, что онъ долженъ полной мѣрой черпать изъ богатой сокровищницы народной рѣчи во всѣхъ ея отг҃нкахъ и различіяхъ. Мы признаемъ совершенно правильнымъ его мнѣніе о томъ, что у всѣхъ русскихъ, къ какому бы русскому языку, нарѣчію или говору они ни принадлежали, долженъ быть одинъ общій языкъ литературы и науки. Даже больше того: мы повторяемъ, вслѣдъ за Лучкаемъ, что этотъ языкъ долженъ быть не только всерусскимъ, но и всеславянскимъ (междуславянскимъ). И къ нашей радости мы можемъ сказать, что это не только мнѣніе и желаніе русскихъ людей, но такъ думаютъ и желають всѣ тѣ славяне (чехи, словаки, сербы, болгары, словинцы), которымъ дорога мысль о созданіи самостоятельной славянской культуры, которые мечтаютъ о духовномъ освобожденіи славянства изъ подъ культурного гнета чуждыхъ народовъ. А такимъ языкомъ только и можетъ быть языкъ Пушкина и Гоголя, Толстого и Достоевского, Духновича и Сильвай, Поповича и Карабелеша.

VI. Секціи Общества.

I. Научно-литературная.

1. Русский Народный Университетъ въ Прагѣ; 2. Д-ръ Бескидъ А. А.; 3. Д-ръ I. В. Каминскій; 4. Проф. Иванъ Мураній; 5. Д-ръ А. М. Гагатко; 6. В. П. Звонниковъ; 7. М. Василенковъ; Проф. К. Стрипскій.

II. Организационно-просвѣтительная.

А) Центральный отдѣль: 1. П. С. Федоръ; 2. Д-ръ Алексѣй Бескидъ; 3. А. И. Игнацій; 4. I. L. Араній; 5. Иванъ Лизакъ; 6. Антоній Чеканъ; 7. Николай Малецъ; 8. Владіміръ Сцитовскій; 9. Ив. Булеца.

Б) Окружные отдѣленія: 1. Ужгородское: С. С. Федоръ, Алексѣй Мешковъ; 2. Велико-Березнянское: Андрей Владиміръ, Евгеній Жупанъ; 3. Береговскій: проф. Н. Гарчаръ, Василій Кваковскій; 4. Нижне-Веречанскій: Степанъ Лявинецъ, Степанъ Кейпаза; 5. Мукачевскій: Иванъ Цапуличъ, Петръ Копикъ; 6. Севлюшскій: Иванъ Сочка, Михаилъ Федораничъ; 7. Иршавскій: Николай Цимболинецъ, Йосифъ Гелетка; 8. Воловской: Андрей Сокачъ, Иванъ Калабиш카; 9. Перечинскій: Титъ Карпинецъ, Андрей Сочка; 10. Росвиговскій: Василій Іовбакъ, Эммануиль Павлишинецъ; 11. Свалявскій: Иванъ Добошъ, Иванъ Ковачъ; 12. Тячевскій: Федоръ Вощепинецъ, Михаилъ Сабовъ; 13. Раховскій: Юлій Сокулъ, Михаилъ Мишкей; 14. Густскій: Проф. А. Луковичъ, Миронъ Ляхъ; 15. Словакія: Д-ръ Иванъ Жидовскій, Д-ръ Йосифъ Кизакъ.

III. Издательская секція.

1. С. С. Медьешій; 2. П. П. Сова; 3. Д-ръ I. В. Каминскій; 4. Эммануиль Карпинецъ; 5. Борисъ Сѣдаковъ.

IV. Театральная.

1. О. А. Полуэктова-Куфтина; 2. Мелетина Сова; 3. Александра Щмейцъ; 4. Елизавета Гускова; 5. Маргарета Битнерова; 6. Михаилъ Силинъ.

V. Музикальная.

1. Степанъ Медрецкій; 2. Вацлавъ Якоушъ; 3. Д-ръ Степанъ Фенцикъ; 4. Ковачъ Николай; 5. Владіміръ Бальцаръ; 6. С. Сильвай.

VI. Хоровая.

1. П. С. Федоръ; 2. Николай Крайнякъ; 3. Д-ръ Степанъ Фенцикъ; 4. гжа Задоръ; 5. Д-ръ Йосифъ Ройковичъ.

VII. Союзъ Русскихъ Женщинъ.

1. Гаджега Эмма; 2. Головичъ Изабелла; 3. Цуркановичъ Валерія; 4. Стасева Феодора; 5. Гаталякъ Этель; 6. Медьешій Марія; 7. Бескидъ Ольга; 8. Дубай Анна.

VIII. Русскій Исторический Архивъ.

1. Д-ръ Илья Гаджега 2. Александръ Стойка; 3. Д-ръ Г. И. Савчинскій; 4. Д-ръ Наталья Шкирпанъ; 5. Иванъ Добошъ.

IX. Народныхъ Домовъ.

1. Д-ръ Илья Гаджега; 2. Д-ръ I. В. Каминскій; 3. Д-ръ Корнилій Могильницкій; 4. Петръ Гаталякъ; 5. Д-ръ Степанъ Фенцикъ; 6. Д-ръ Михаилъ Стасевъ; 7. Степанъ Медьешій; 8. Леопольдъ Гайдичъ; 9. Исидоръ Черній.

X. Спортивная.

1. Д-ръ I. В. Каминскій; 2. Эмиліанъ Небесный; 3. Юлій Грицовъ; 4. Александръ Шненикъ; 5. Д-ръ Иванъ Жидовскій; 6. Д-ръ Эрнестъ Марковичъ; 7. Михаилъ Демковъ.

XI. Русского Скаута им. А. В. Духновича.

1. Д-ръ Степанъ Фенцикъ; 2. Проф. В. А. Петровъ; 3. Д-ръ Н. Р. Шкирпанъ; 4. Иванъ Лизакъ; 5. Андрей Игнацій; Федоръ Рудлов-чакъ; 7. Владіміръ Симковъ.

XII. Санитарно-гигієніческая.

Руководить Д-ръ К. Шимановскій.

ИЗДАНІЯ О-ВА ИМ. АЛ. ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.

48. В. А. Францевъ: Десять лѣтъ свободной жизни Чсл. народа. 3 кч.
49. Д-ръ Ст. А. Фенцикъ: Галиція. 3 кч.
50. Д-ръ Н. А. Бескидъ: Попрадовъ 12 кч.
51. Проф. Ю. А. Яворскій: Поученіе о снахъ. 1 кч.
52. Проф. Ю. А. Яворскій: Дополненіе къ библіогр. А. Духновича. 1 кч.
53. Д-ръ Симеонъ А. Сабовъ. 1 кч.
54. Д-ръ. А. Л. Петровъ (печатается).
55. Проф. Ф. Ф. Аристовъ: А. В. Духновичъ. 3 кч.
56. Павелъ Федоръ: Очерки карпаторусской литературы. 12 кч.
57. Павелъ Федоръ: Правда побѣждаетъ, пьеса. 5 кч.
58. А. Карабелешъ: Въ лучахъ разсвѣта, стихи 29 кч.
59. Д-ръ С. А. Фенцикъ: Дѣятельность О-ва им. А. Духновича въ 1928 г.
60. Юбилейный сборникъ посвященный Е. И. Сабову.
61. Проф. В. А. Францевъ: Изъ исторіи письменности Подкарп. Руси XVIII—XIX стол. — 1.50 кч.
62. Проф. Ю. А. Яворскій: Национальное самосознаніе карпатороссовъ на рубежѣ XVIII—XIX вѣковъ — 1 кч.
63. Проф. А. Л. Петровъ: Къ исторіи села Каменки — 2 кч.
64. Народный календарь О-ва на 1930 годъ подъ ред. д-ра Степана А. Фенцика — 4 кч.
65. Янъ Неруда — избранные рассказы, пер. и вступ. статья Е. Л. Недѣльского — 18 кч. (печатается).
66. Д-ръ Степанъ Фенцикъ: Чехословаки и карпатороссы — 5 кч.
67. А. Бобульскій: Въ святой вечеръ, пьеса въ 2-хъ дѣйств. — 6 кч.
68. А. Бобульскій: Верховинская кровь, пьеса въ 3 дѣйств. (печатается).
69. А. М. Волконскій: Малороссъ или украинецъ? 1928. — ц. 1 кч.
70. Сборникъ статей, посвященныхъ памяти Добрянского, 1929 — 1 кч.
71. Проф. Ю. А. Яворскій: Старая латинская записка о селѣ Гукливомъ, 1929 — ц. 1 кч.
72. Д-ръ Степанъ Фенцикъ: Руководство къ организаціи и веденію Русскихъ Народныхъ Читаленъ им. А. В. Духновича, 1929 — 1 кч.
73. Графъ А. Салтыковъ: Евразійцы или украинцы, 1930 — ц. 10 кч.
74. Д-ръ Н. А. Бескидъ: А. В. Духновичъ (печатается).
75. Д-ръ Степанъ А. Фенцикъ: Русскимъ Скаутамъ, 1929 — ц. 1 кч.
76. Сборникъ о Балудянскомъ (готовится къ печати).
77. Д-ръ Степанъ А. Фенцикъ: Дѣятельность О-ва им. А. В. Духновича въ 1929/30 г. — ц. 3 кч.
78. Собраніе сочиненій Е. А. Фенцика подъ редакціей Д-ра С. А. Фенцика — ч. I.
79. Собраніе сочиненій Е. А. Фенцика подъ ред. Д-ра С. А. Фенцика — ч. II.
80. Собраніе сочиненій Е. А. Фенцика подъ ред. Д-ра С. А. Фенцика — ч. III (готовится къ печати).
81. Собраніе стихотвореній А. В. Духновича подъ ред. Д-ра Н. А. Бескида (готовится къ печати).
82. Проф. Валерій Погорѣловъ: Мих. Лучкай и его грамматика, 1930 — ц. 2 кч.
83. Проф. Ю. А. Яворскій: П. Д. Лодій въ изображеніи польского романтика, 1930 — ц. 1 кч.
84. Проф. Ф. Ф. Аристовъ: А. И. Добрянский (готовится къ печати).
85. Проф. Ф. Ф. Аристовъ: Амв. Аф. Полянский (готовится къ печати).
86. А. В. Поповъ: Ф. Ф. Аристовъ, очеркъ его дѣятельности къ 25-лѣтнему юбилею (готовится къ печати).

